

УДК 1:008(47)
ББК 87.3(2)522:71

Ирина Анатольевна Едошина

Костромской государственной университет, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры истории, Россия, Кострома, e-mail: tettixgreek@yandex.ru

О Владимире Соловьеве и русской культуре

Аннотация. Рассматривается проблема влияния личности на общественное сознание и последствия этого влияния. Примеры такого рода влияния обнаруживаются в европейской философии и связаны с трудами Платона, Декарта, Канта. Отмечается, что в русской культуре (вплоть до XIX века) философская мысль находила не столько логико-отвлеченное, сколько образное выражение, что в немалой степени обусловлено спецификой государственного развития России, которая определяется тем, что становление государственности в России тесно связано с православием и церковью. Выявляются смысловые доминанты этой специфики, формы ее бытийствования и последствия утраты, из которых одно из самых драматических – формальное соблюдение церковных догматов. Приводится ряд примеров из жизни известных деятелей, свидетельствующих о восприятии в обществе веры. Обозначены два значимых события в русской культуре XIX века, благодаря которым русское общество стало заново «открывать» веру как основание жизни: картина художника А. Иванова «Явление Христа народу» и чтение Вл. Соловьевым публичных лекций «Чтения о Богочеловечестве» в Петербурге в 1878 году, оказавших сильнейшее воздействие на умы современников и послуживших своеобразным катализатором для создания целого ряда важнейших художественно-философских текстов. В заключение утверждается, что обращение России к своим корням всегда будет связано с именем Вл. Соловьева как уникальным русским религиозным философом, не только ставшим основоположником русской религиозной философии, но и в сознании современников обретшим черты пророка, чему в немалой степени способствовали и образ его жизни.

Ключевые слова: образный строй русской культуры, православие, церковные догматы, русская государственность, духовные ценности, секуляризация, религиозная живопись, философско-религиозная мысль, Богочеловечество

Irina Anatolyevna Edoshina

Kostroma State University, Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor of the Department of History, Russia, Kostroma, e-mail: tettixgreek@yandex.ru

On Vladimir Solovyov and Russian Culture

Abstract. The article deals with the problem of personality's influence on public consciousness and the consequences of this influence. According to the author of the article, examples of this kind of influence are found in European philosophy and are associated with the works of Plato, Descartes and Kant. It is further noted that in Russian culture (up until the 19th century), philosophical thought found not so much logical-abstract expression as figurative expression, which, to a large extent, the author of the article believes, is due to the specifics of Russia's state development. This specificity is determined by the fact that the formation of statehood in Russia is closely connected with Orthodoxy and the church.

The semantic dominants of this specificity, the forms of its existence and the consequences of its loss are revealed, one of the most dramatic of them is the formal observance of church dogmas. A number of examples from the lives of famous figures are given, testifying to how faith was perceived in society. The author of the article identifies two significant events in Russian culture of the 19th century, thanks to which Russian society began to “rediscover” faith as the foundation of life. One of these events is the painting by the artist A. Ivanov “The Appearance of Christ to the People”, and the other is the reading by Vl. Solovyov of public lectures “Readings on God-Manhood” in St. Petersburg in 1878. It is shown that these lectures had a strong influence on the minds of the philosopher’s contemporaries and served as a kind of catalyst for the creation of a number of important artistic and philosophical texts. As a result, Vl. Solovyov became not only the founder of Russian religious philosophy, but in the minds of his contemporaries he acquired the features of a prophet, which was largely facilitated by his way of life. In the end, the author of the article asserts that Russia’s turn to its roots will always be associated with the name of Vl. Solovyov as a unique Russian religious philosopher.

Key words: figurative structure of Russian culture, Orthodoxy, church dogmas, Russian statehood, spiritual values, secularization, religious painting, philosophical and religious thought, God-manhood

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.4.071-080

В истории человечества есть имена, которые содержательно определяют целые эпохи, отдаваясь позднее своеобразным эхом: Платон (и неоплатонизм), Декарт (и картезианство), Кант (и неокантианство) др.

Отечественная культура в этом плане не исключение, но со своим, так сказать, оттенком, что обусловлено не философией, которая в русском изводе до XIX века носила не столько понятийный, сколько образный характер, а некоторыми особенностями зарождения русской государственности и последствиями этого процесса.

Объединяющим многочисленные племена, проживавшие на территории будущей Руси-России, началом стало принятие ими православия. Потому все наиболее значимые события в русской истории оказывались связанными с Церковью. Как позднее заметит Вл. Соловьёв, «эта тесная связь Государства с Церковью предполагает первенство последней, ибо Божеское и выше, и прежде человеческого» [1, с. 5]. Но, увы, события эти носили подчас диаметрально противоположный характер.

С одной стороны, утверждение приоритета Благодати над Законом в «Слове» митрополита Илариона¹, благословение Сергием Радонежским войска Димитрия Донского на Куликовскую битву², Северная Фиваида учеников преподобного Сергия³ являли незыблемость значимости Церкви в жизни госу-

¹ См.: Иларион. Слово о Законе и Благодати / сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина. М.: Столица, Скрипторий, 1994. С. 29 [2].

² См.: Преподобный Сергий Радонежский: Полное жизнеописание / авт.-сост. Е. Владимирова. М.: Эксмо, 2011. С. 51–54 [3].

³ См.: Преподобный Сергий Радонежский / авт.-сост. Н. Чугреева. М.: Панорама, 1992. С. 131–134 [4].

дарства. Но, с другой стороны, спор заволжских старцев с иосифлянами⁴, завершившийся победой иосифлян (читай: победой московского благочестия с его пристрастием к формальной стороне веры), последовавший после Смутного времени Раскол русской православной церкви, навсегда разделивший единый народ на никониан и старообрядцев; реформы Петра Первого, поменявшие патриаршество на Синод и, как следствие, превратившие церковь в департамент, свидетельствуют об утрате изначальной симфонии между государством и церковью. Результаты не заставили себя ждать. Иконы и росписи старого (дониконовского) письма уничтожались, записывались. Пространство храмов наполнялось антропоморфными изображениями, службы сопровождало партесное (вместо знаменного распева) пение хора. Появились церковные художники, писавшие в традиции Симона Ушакова⁵, церковные композиторы – Дмитрий Бортнянский, Максим Березовский и др. На смену житиям приходит светская литература. Закономерно, что храмовое строительство стало вестись с учетом светской стилистики классицизма и барокко.

Таким образом, искусство явилось результатом своеобразной подмены духовного светским и активного впитывания форм европейской, по большей части секулярной культуры. Как заметил Л. Успенский, «автономное от Церкви искусство ограничивается тем, что не превышает естественных свойств человека», как результат – «образ лишается своего христианского смысла»⁶. Зато на первый план постепенно выходит человек как мера всех вещей.

Конечно, Россия была и продолжала оставаться православной страной, но больше в чисто формальном плане, особенно в среде образованной, дворянской, чиновничьей, а затем и в творческой. Вот признание родившегося в середине XIX в. Константина Циолковского: «Я – чистейший материалист. Ничего не признаю, кроме материи. <...> Весь космос – только бесконечный и сложный механизм» [8, с. 109]. Схожие взгляды отличали создателя неэвклидовой геометрии Н.И. Лобачевского, проявившего еще в студенческие годы «в значительной степени ... признаки безбожия»⁷. Но, в отличие от Циолковского, признание трудов которого все-таки состоялось еще при жизни, Лобачевский «совершенно не был понят и оценен» современниками, а в Казани «в местной тра-

⁴ См.: Костомаров Н.И. Преподобный Нил Сорский и Вассиан, князь Патрикеев // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 1. Репринт. изд. 1873 г. М.: Книга, 1990. С. 375 [5].

⁵ См.: Шамардина Н. Монархии иконописцы на пороге нового времени // Слово.ру: Балтийский акцент. 2016. № 1. С. 82 [6].

⁶ См.: Успенский Л. Богословие иконы православной церкви. Изд. Западноевропейского экзархата. М.: Московский патриархат, 1989. С. 418–419 [7].

⁷ См.: Лаптев Б.Л. Жизнь и деятельность Н.И. Лобачевского // Успехи математических наук. 1951. Т. 6, вып. 3. С. 11 [9].

диции» он и вовсе воспринимался как «сумасшедший»⁸, конечно, не по причине равнодушия к вере, а из-за своих открытий в области геометрии.

Вера как основа жизни сохранялась в народе и в купечестве, которое в основной массе корнями имело же ту народную среду.

Однако в вопросах веры чрезвычайно важно, *что* человек видит и *что* слышит в храме. Здесь воздействие идет помимо сознания, незаметно его секуляризируя красивыми лицами вместо ликов, красивой музыкой, исполняемой разными голосами, богатыми барочными орнаментами. Напомню, в России XIX столетия образованные люди ходили в храмы слушать хоры и разглядывать росписи, особенно выполненные известными художниками. Конечно, в церковь ходили и по церковным нуждам, но сугубо формально, о чем в разгар большевистского террора летом 1918 г. с горечью будет писать Иван Бунин: «И подумать только, что прежде люди той среды, к которой и я отчасти принадлежал, бывали в церкви только на похоронах! ... И в церкви была все время одна мысль, одна мечта: выйти на паперть покурить. А покойник? Боже, до чего не было никакой связи между всей его прошлой жизнью и этими погребальными молитвами, этим венчиком на костяном лимонном лбу!» [11, с. 175].

В этом признании угадывается пропасть безверия, в которую рухнула и не могла не рухнуть Россия, созданная на основаниях веры. Здесь Бунин угадал самую суть случившейся в России катастрофы. Но угадал и другое – собственную вину, как и вину людей своей среды, одни из которых занимались беспощадной критикой жизни в России, другие призывали раздуть мировой пожар. А все вместе в лучшем случае были равнодушны к вере, видя в ней нечто ушедшее, ненужное, но почему-то все еще существующее.

Заметим, большевизм никогда бы не смог победить, если бы вера не превратилась в сугубо формальное исполнение обрядов со стороны прихожан и, увы, значительной части священства, по этой причине закономерно породившей целую плеяду разночинцев революционно-демократического образца: Белинский (дед священник, отец врач и атеист), Добролюбов (отец священник), Чернышевский (отец священник). Идеологи советского режима видели в этих авторах единомышленников, издавая их труды миллионными тиражами, требуя цитировать и безоговорочно принимать все, что бы они ни написали.

Однако уже в XIX в. произошло как минимум два события, взбудораживших образованную часть общества и многих повернувших в сторону религиозных вопросов.

Все началось с того, что в мае 1858 г. в Петербург из Италии вернулся художник Александр Иванов и привез свою картину «Явление Христа народу». Это огромное полотно, над которым художник работал в течение 20 лет –

---

⁸ См.: Перцов П.П. Предисловие к воспоминаниям о Лобачевском П.П. Перцова-отца // Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / сост. и ред. Л.Б. Модзалевский. М.; Ленинград: АН СССР, 1948. С. 624 [10].

с 1837 по 1857 гг., было написано на библейский сюжет. Здесь много символического. Уехав в Италию как пенсионер, Иванов оказался в самом центре европейского изобразительного искусства XIX столетия, искусства вполне светского, даже если сюжеты черпались из Библии. Исключение составляла жившая и работавшая в Италии группа австрийских и немецких художников «Братство св. Луки» (Lucasbrüde) / «Союз св. Луки» (Lucasbund), но более известных в среде живописцев как «Назарейцы» (Nazarener). Вслед за Шеллингом они утверждали, что совершенство произведения искусства определяется степенью его приближения к Божьему царству. Возглавлял группу художник Фридрих Иоганн Овербек, с которым у Иванова (благодаря Ф. Чижову) сложились дружеские отношения. Под впечатлением от работ «Назарейцев» Иванов обращается к библейским сюжетам.

Постепенно вызревает идея написать картину «Появление Мессии». Как признается сам художник, «намерение чрезвычайное ... Из живущих мне полезен один Овербек», поскольку «своими сочинениями дотрагивается до сердца»⁹. Позднее С.П. Шевырев заметит, что именно влияние Овербека на Иванова способствовало формированию в русском художнике «своего особенного религиозного стиля, о котором мы до сих пор в новой живописи нашей и не думаем»¹⁰. Стиль этот вызревал в процессе работы над картиной «Появление Мессии» («Явление Христа народу»), которая явится в столичный Петербург вместе с ее автором в мае 1858 г. и обратит внимание общества на религиозную проблематику не как предмет изображения, а в ее существо. Для самого Иванова работа над этой картиной окажется тем творческим опытом, который способствовал погружению в глубины «тихой умственной жизни»¹¹.

Картина Иванова «Явление Христа народу» произвела сильнейшее впечатление, вызвав желание ее увидеть у небывалого количества людей, в том числе «самых интеллигентных и выдающихся русских ученых и литераторов»¹². В один голос современники (за небольшим исключением) утверждали, что картина эта – «совершенно новая эпоха для истории искусств»¹³. А.С. Хомяков увидел в Иванове ученика иконописцев, что придало таланту художника искренность и простоту, питавшиеся полнотой Церкви, потому торжество его «есть торжество общее», «это происшествие в жизни»¹⁴.

⁹ См.: Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях / сост. Виноградов И.А. М.: ИД «XXI век – Согласие», 2001. С. 183 [12].

¹⁰ См.: Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. С. 216.

¹¹ См.: История русского искусства: в 3 т. Т. 1 / под ред. М.М. Раковой и И.В. Рязанцева. Изд. 3-е, исправ. и доп. М.: Изобразительное искусство, 1991. С. 276 [13].

¹² См.: Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. С. 620.

¹³ Там же. С. 622.

¹⁴ См.: Хомяков А.С. «Художественные требования русского духа». Картина Иванова // Хомяков А.С. Всемирная задача России / сост. и коммент. М.М. Панфилова. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 525, 532 [14].

Вторым *происшествием в жизни* образованной части общества стали публичные «Чтения о Богочеловечестве» Владимира Соловьёва. Чтения состоялись в Петербурге в 1878 г. По свидетельству С.М. Соловьёва, «на них стекался весь Петербург»¹⁵. В своих лекциях Владимир Соловьёв говорил о Боге и вере не как предмете философствования (небывалое для того времени в России дело!), а как основе человеческой жизни и сознания; указывал на Божественное начало в человеке, обращался к теме Богочеловека (мессии, или Христа), утверждал личное обращение Христа в бытии и возможность возрастания человека «в полноту возраста Христова», говорило о возможности искупления природного мира в результате второго явления Христа, когда в итоге наступит «царство Духа Святого и полное откровение Богочеловечества»¹⁶.

Свои чтения Соловьёв начинал словами: «Я буду говорить об истинах положительной религии – о предметах очень далеких и чуждых современному сознанию ... Религия ... есть связь человека и мира...» [16, с. 5]. Эти слова звучали оглушительно, вызывая разные реакции, вольно или невольно входили в сознание современников, оседали в нем, давая свои ростки в будущем. Жизнь образованной части общества навсегда разделилась на *до* «Чтений о Богочеловечестве» и *после*. Это не означает, что все слушали/читали или должны были слушать/читать рассуждения Вл. Соловьёва. Нет, конечно, но философ не просто уловил уже намеченную картиной А. Иванова тему Богочеловечества, но и придал ей очертания «веяний времени». Потому, например, Д.И. Менделеев, создатель «Периодической таблицы химических элементов», в начале XX в. будет утверждать, что «единство всего внутреннего и внешнего мира ... выражено в признании единого Бога и в стремлении это исходное понятие об “едином” по возможности реализовать или узнать ближе» [17, с. 409]¹⁷. А в Московском Императорском университете в это же время часть студентов-математиков воспринимали получение научных знаний и службы в университетском храме как живые свидетельства сущностной связи познания мира опытным (научным) путем и его проверки через «мистический взгляд на Вселенную»¹⁸.

¹⁵ См.: Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюция / послесл. П.П. Гайдено; подгот. текста И.Г. Вишневецкого. М.: Республика, 1997. С. 145 [15].

¹⁶ См.: Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и примеч. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. С. 17–172 [16].

¹⁷ «Периодическая таблица химических элементов» сегодня воспринимается как воплощение слов царя Соломона: «Бог все расположил мерою, числом и весом!» Причем об этом в 2019 г. сообщалось в сугубо научном журнале ученым из технического университета в Дрездене (см.: Решетиловский В.П. К 150-летию таблицы Менделеева: эволюционное развитие великого открытия // Известия СПбГТИ (ТУ). 2019. № 2. С. 127 [18]).

¹⁸ См.: Грэхем Л., Кантор Ж.-М. Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве / пер. с англ. А.Ю. Вязьмина. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2011. С. 105 [19].

Среди тех, кто посещал чтения Вл. Соловьева, был Ф.М. Достоевский. Результат этих посещений – их совместная поездка в 1878 г. в Оптину пустынь и роман «Братья Карамазовы», в котором вопросы веры определяли общее содержание.

Не обошел стороной «Чтения о Богочеловечестве» А.Ф. Писемский, который, как и Достоевский, был знаком с Вл. Соловьевым и активно посещал его лекции. Кажется, знаком был много раньше Достоевского и ближе. Услышанные лекции произвели сильное впечатление на Писемского и подвигли его к написанию романа «Масоны», оказавшегося последним в его творческой судьбе, прерванной смертью.

Писемский обговаривает с Вл. Соловьевым общее содержание романа, в котором именно вопросы религиозные составляют его сердцевину. Весной и осенью 1879 г. Писемский обращается к Вл. Соловьеву с просьбой написать проповедь об Умном делании как упражнении. Вл. Соловьев выполняет его просьбу. Так в романе появляется эпизод, который написан философом и, по договоренности с ним, помещен Писемским в роман без каких-либо изменений:

«Подробности Умного делания таковы! – перебил его Егор Егорыч. – Оно, что и вы, вероятно, знаете, стремится вывести темный огонь жизни из света внешнего мира в свет мира Божественного. Но так как внешние вещи мира мы познаем: первое, через внешний свет, в коем мы их видим; второе, через звуки, которыми они с нами говорят, и через телесные движения, которые их с нами соединяют, то для отвлечения всего этого необходимы мрак, тишина и собственное безмолвие; а потому, приступая к умному деланию, мы должны замкнуться в тихой и темной келье и безмолвно пребывать в ней в неподвижном положении, сидя или лежа. Засим, самое умное делание совершается в семи степенях, соответственно семи видам природы: из сих семи степеней, или видов, три суть темные, в коих наш огненный дух еще только стремится к Небесному Свету, один вид есть переходный и три последние – Высшие. В частности, сии семь видов и степеней Умного делания суть следующие: отвлекшись от множественности чувств, мыслей и желаний, должно собрать и сосредоточить всю силу духа в области сердца. Вспомогательными средствами для сего являются: задержание дыхания (ноздренное дыхание), при мысленном повторении молитвы Иисусовой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» Сие называется сжатием духа; сие сжатие переходит во внутреннее порывистое движение, выражающееся усиленным биением сердца. В таком движении дух, не будучи в состоянии выйти из самого себя, впадает в томление. Но томление духа по Небесном Свете приближает к нам сей последний; когда же Он соприкасается с нашим духом, то происходит сотрясение, или толчок, иначе называемый Небесною молниею. Это есть переход или прорыв из темной области в светлую. Здесь наше существо вводится в Райскую сущность, которая открывается, как Божественная теплота, за какою следует Небесная сладость, ощущение коей не сопровождается

никаким страстным томлением и никакими движениями в теле; последнюю же степень составляет видение Небесного Света и Божественных образов. Сия степень имеет великое множество различий, сообразно большему или меньшему совершенству созерцающего» [20, с. 174–175].

Веденный в роман мотив исихазма направлен не в область рассуждений о смысле веры, а в качестве пути реального вхождения в эту область. Для Писемского Владимир Соловьев был наглядным примером человека образованного и одновременно искренне верящего в Бога. Именно и в первую очередь верящего, а уже потом рассуждающего о вере. Общность их духовных устремлений Соловьев запечатлел в стихах:

Я знаю: сердцем ты стремишься к Богу,
И я к Нему стремлюсь, ищу Его давно;
Итак нам путь один к Небесному чертогу;
Пред нами общий труд и счастье одно [21, с. 773].

Значение творческого наследия Владимира Соловьева в истории русской культуры невозможно ни зачеркнуть, ни переосмыслить¹⁹. Его деятельность была и останется навсегда поворотным моментом на пути возвращения России к своим основам, немислимым вне веры в Бога. Можно по-разному относиться к его пониманию Вселенской церкви, Софиологии. В его наследии легко найти то, что сегодня осуждается. Но даже если собрать вместе все упреки, которые подчас звучат в адрес Владимира Соловьева, они не могут заслонить в нем русского религиозного мыслителя, основоположника русской философии, поэта и пророка, утверждающего, что в нашем вечно меняющемся мире «неподвижно лишь солнце любви».

Список литературы

1. Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. Написано на французском языке в Париже, 1889 / пер. с франц. Г.А. Рачинского. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1911. 450 с.
2. Иларион. Слово о Законе и Благодати / сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина. М.: Столица; Скрипторий, 1994. 146 с.
3. Преподобный Сергей Радонежский: Полное жизнеописание / авт.-сост. Е. Владимирова. М.: Эксмо, 2011. 368 с.
4. Преподобный Сергей Радонежский / авт.-сост. Н. Чугреева. М.: Панорама, 1992. 272 с.
5. Костомаров Н.И. Преподобный Нил Сорский и Вассиан, князь Патрикеев // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 1. Репринт. изд. 1873 г. М.: Книга, 1990. С. 371–384.
6. Шамардина Н. Монархии иконописцы на пороге нового времени // Слово.ру: Балтийский акцент. 2016. № 1. С. 81–94.

¹⁹ Стоит отметить влияние Вл. Соловьева не только на русскую культуру XIX в., но и, по справедливому замечанию прот. М. Аксенова-Меерсона, на русскую культуру века XX: «Для России двадцатый век начался, в культурном измерении, под знаком Владимира Соловьева» [22, с. 103].

7. Успенский Л. Богословие иконы православной церкви. Изд. Западноевропейского эказархата. М.: Московский патриархат, 1989. 474 с.
8. Циолковский К.Э. Грезы о Земле и небе. М.: АСТ, 2022. 320 с.
9. Лаптев Б.Л. Жизнь и деятельность Н.И. Лобачевского // Успехи математических наук. 1951. Т. 6, вып. 3. С. 10–17.
10. Перцов П.П. Предисловие к воспоминаниям о Лобачевском П.П. Перцова-отца // Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / сост. и ред. Л.Б. Модзалевский. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 623–624.
11. Бунин И.А. Окаянные дни. Репринт изд. 1935 г. М.: Сов. писатель, 1990. 176 с.
12. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях / сост. Виноградов И.А. М.: ИД «XXI век – Согласие», 2001. 776 с.
13. История русского искусства: в 3 т. Т. 1 / под ред. М.М. Раковой и И.В. Рязанцева. Изд. 3-е, исправ. и доп. М.: Изобразительное искусство, 1991. 508 с.
14. Хомяков А.С. «Художественные требования русского духа». Картина Иванова // Хомяков А.С. Всемирная задача России / сост. и коммент. М.М. Панфилова. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 514–533.
15. Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция / послесл. П.П. Гайденко; подгот. текста И.Г. Вишневецкого. М.: Республика, 1997. 431 с.
16. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и примеч. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. С. 3–172.
17. Менделеев Д.И. Заветные мысли. СПб.: Тип. М.П. Фроловой, 1903. 413 с.
18. Решетиловский В.П. К 150-летию таблицы Менделеева: эволюционное развитие великого открытия // Известия СПбГТИ (ТУ). 2019. № 2. С. 121–127.
19. Грэхем Л., Кантор Ж.-М. Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве / пер. с англ. А.Ю. Вязьмина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2011. 230 с.
20. Писемский А.Ф. Масоны. М.: Public Domain, 2014. 486 с.
21. Соловьев В.С. Я знаю сердцем... // А.Ф. Писемский. Письма / подгот. текста и коммент. М.К. Клемана и А.П. Могиланского. М.; Л.: АН СССР, 1936. С. 773.
22. Аксенов-Меерсон М., прот. Созерцанием Троицы Святой... Парадигма любви в русской философии троичности / пер. с англ. М. Назыровой, Е. Ванеян и автора. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2007. 328 с.

References

(Sources)

1. Bunin, I.A. *Okayannye dni* [Damn days]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1990. 176 p.
2. Chugreeva, N. *Prepodobnyy Sergiy Radonezhskiy* [St. Sergius of Radonezh]. Moscow: Panorama, 1992. 272 p.
3. Ilarion. *Slovo o Zakone i Blagodati* [The Word on Law and Grace]. Moscow: Stolitsa; Skriptoriy, 1994. 146 p.
4. Khomyakov, A.S. «Khudozhestvennye trebovaniya russkogo dukha». Kartina Ivanova [“The artistic requirements of Russian spirit”. Painting by Ivanov], in Khomyakov, A.S. *Vsemirnaya zadacha Rossii* [Russia's global task]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2008, pp. 514–533.
5. Kostomarov, N.I. Prepodobnyy Nil Sorskiy i Vassian, knyaz' Patrikeev [Venerable Nil of Sorsky and Vassian, Prince of Patrikeev], in Kostomarov, N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley. Vyp. I* [Russian history in the biographies of its main figures. Issue 1]. Moscow: Kniga, 1990, pp. 371–384.
6. Mendeleev, D.I. *Zavetnye mysli* [Cherished thoughts]. Saint-Petersburg: Tipografiya M.P. Frolovoy, 1903. 413 p.

7. Pertsov, P.P. Predislovie k vospominaniyam o Lobachevskom P.P. Pertsova-otsta [Preface to the memoirs of P.P. Lobachevsky Pertsov-father], in *Materialy dlya biografii N.I. Lobachevskogo* [Materials for biography of N.I. Lobachevsky]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1948, pp. 623–624.
8. Pisemskiy, A.F. *Masonry* [Masons]. Moscow: Public Domain, 2014. 486 p.
9. Solov'ev, V.S. *Rossiya i Vselenskaya tserkov'* [Russia and the Universal Church]. Napisano na frantsuzskom yazyke v Parizhe, 1889. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova, 1911. 450 p.
10. Solov'ev, V.S. *Chteniya o Bogochelovechestve* [Readings about God-manhood], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya: v 2 t., t. 2* [Works: in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 3–172.
11. Tsiolkovskiy, K.E. *Grezy o Zemle i nebe* [Dreams of Earth and Sky]. Moscow: AST, 2022. 320 p.
12. Uspenskiy, L. *Bogoslovie ikony pravoslavnoy tserkvi* [Theology icons of Orthodox Church]. Izdanie Zapadnoevropeyskogo ekzarkhata. Moscow: Moskovskiy patriarkhat, 1989. 474 p.
13. Vinogradov, I.A. *Aleksandr Ivanov v pis'makh, dokumentakh, vospominaniyakh* [Alexander Ivanov in letters, documents, memoirs]. Moscow: ID «XXI vek – Soglasie», 2001. 776 p.
14. Vladimirova, E. *Prepodobnyy Sergiy Radonezhskiy: Polnoe zhizneopisanie* [St. Sergius of Radonezh: Complete biography]. Moscow: Eksmo, 2011. 368 p.
15. Solov'ev, V.S. Ya znayu, serdtsem... [I know in my heart...], in Pisemskiy, A.F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1936. P. 773.

(Articles from Scientific Journals)

16. Laptev, B.L. *Uspekhi matematicheskikh nauk*, 1951, vol. 6, issue 3, pp. 10–17.
17. Reshetilovskiy, V.P. *Izvestiya SPbGTI (TU)*, 2019, no. 2, pp. 121–127.
18. Shamardina, N. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent*, 2016, no. 1, pp. 81–94.

(Monographs)

19. Aksenov-Meerson, M., prot. *Sozertsaniem Troitsy Svyatoy... Paradigma lyubvi v russkoy filosofii troichnosti* [Contemplation of the Holy Trinity... The paradigm of love in Russian philosophy of trinity]. Kiev: DUKh I LITERA, 2007. 328 p.
20. Grekhem, L., Kantor, Zh.-M. *Imena beskonechnosti: pravdivaya istoriya o religioznom mistitsizme i matematicheskom tvorchestve* [The Names of Infinity: A True Story of Religious Mysticism and Mathematical Creativity]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta, 2011. 230 p.
21. Rakova, M.M., Ryazantsev, I.V. *Istoriya russkogo iskusstva: v 3 t., t. 1* [History of Russian art: in 3 vols., vol. 1]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1991. 508 p.
22. Solov'ev, S.M. *Vladimir Solov'ev: Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya* [Vladimir Solovyov: Life and creative evolution]. Moscow: Respublika, 1997. 431 p.